

В. Ю. Мурзин

О ЗОЛОТЫХ «КОНУСАХ» ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

В статье рассматривается вопрос о больших золотых конусовидных предметах, обнаруженных в ряде скифских курганов конца V — IV вв. до н. э. на территории Северного Причерноморья и нынешнего Ставропольского края. Особое внимание уделяется вопросу о предназначении таких «конусов», поскольку данный момент является предметом достаточно оживленной и неоднозначной дискуссии. Предлагается новый подход к решению данной проблемы.

Ключевые слова: скифская культура, родовые подразделения скифов, номы, золотые «конусы».

Сравнительно недавно С. С. Бессонова совместно с авторами раскопок опубликовала яркие и впечатляющие материалы Братолюбовского кургана (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009). Наиболее интересные вещи были обнаружены в тайнике, обустроенном в дне центральной могилы. В тайнике находились: золотая чаша-фиала, плетенное золотое ожерелье, биметаллический ритон и золотой предмет в форме конуса с усеченной вершиной, декорированный барельефными изображениями сцен терзания, выполненными в традициях скифского звериного стиля (рис. 1, 2). Высота предмета составляет 179—182 мм (разница в высоте объясняется небольшой деформацией конуса), диаметр основания — 191 мм, вершины — 130 мм.

Обратившись к золотым предметам конусовидной, близкой братолюбовской находке формы, С. С. Бессонова учла 24 таких изделия разных размеров (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, табл. I). Однако нас, в первую очередь, интересуют большие золотые «конусы». Таких предметов, судя по ее сводке, на территории Се-

верного Причерноморья обнаружено 5. В Братолюбовском кургане. В Передериевой Могиле (рис. 3). Его диаметр по низу колеблется от 16,6 до 17,9 см, высота составляет 16,7 см (Моруженко 1992). В кургане у с. Ильичево в Крыму (высота — 13,3 см, диаметр верхней части — 10,2 см, основания — 16 см), опубликованном А. М. Лесковым (1968). Конус из Ак-Бурунского кургана (диаметр основания — 17,7—19,5, высота — 14,4 см) на Керченском полуострове (рис. 4). Конус из коллекции ростовского собирателя древностей Ф. С. Романовича (высота 16,2, диаметр основания — 16 см).

Восточнее пределов северопричерноморской Скифии, на территории Среднего Предкавказья (Ставропольский край) также обнаружено несколько вещей интересующего нас типа, которые тоже входят в круг памятников непосредственно скифской культуры. С нашей точки зрения именно территория Предкавказья была центром скифского объединения («царство Ишкюза») в VII — первой половине VI вв. до н. э. После окончания скифских походов в Переднюю Азию основное ядро скифских племен перемещается в степи Северного Причерноморья (Мурзин 1984, с. 96—100). Однако часть скифского населения продолжала кочевать на равнинах Северного Кавказа, о чем свидетельствуют такие скифские памятники V в. до н. э. как курганы у селения Гойты в Чечне (Марковин 1965), Ставропольский курган 1893 г. (Мурзин 1978, с. 22), Константиновский курган (Минаева 1956, с. 332) и др.

Золотые конусы, обнаруженные в Ставропольском крае, входили в состав кладов IV в. до н. э. Само появление кладов в этот период свидетельствует об изменении военно-политической ситуации в этом регионе, что, возможно,

Рис. 1. Конус из Братолюбовского кургана

Рис. 2. Конус из Братолюбовского кургана. Вид сверху

было связано с появлением здесь сарматов ранней волны.

Итак, конусы 6—7. Входили в состав Ставропольского (Казинского) клада (Королькова (Чежина) 1995, с. 77, рис. 3: 4). Золотые толстостенные конусы почти не различаются по размерам: высота 14,5, диаметр основания у одного 19,8, у второго — 19,4 см.

Конусы 8—9 обнаружены в составе клада, который находился в каменном ящике, соору-

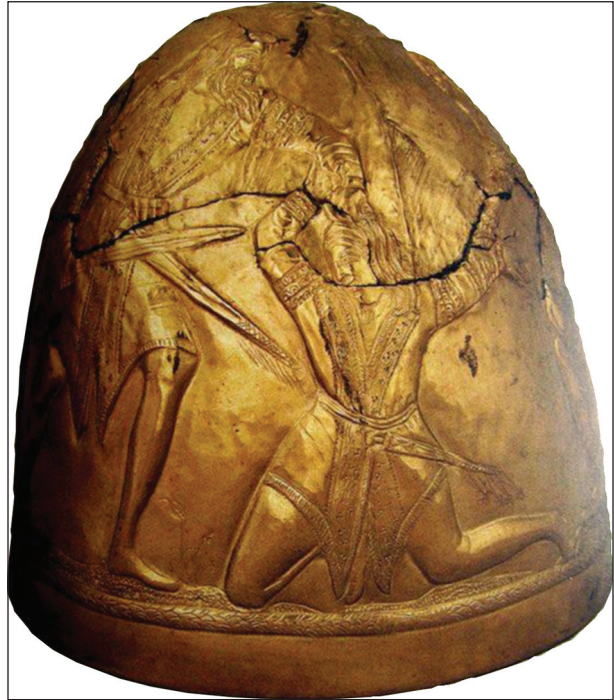

Рис. 3. Конус из Передериевой Могилы

Рис. 4. Конус из Ак-Бурунского кургана

женном на периферии кургана, исследованного у с. Сенгелеевское неподалеку от Ставрополя. Кстати, это село находится на территории того же Шпаковского района, что и с. Казинка, где был найден Казинский клад.

В каменном ящике оказались (рис. 5): золотые гривны и перстень, а также два золотых конуса (Интернет-ресурс). Все предметы были сложены в самый крупный конус (конус 1) усеченной формы, орнаментированный рельефными сценами терзания (рис. 6, 7): с одной стороны — два грифона терзают жеребца и с другой — два грифона терзают оленя.

На втором конусе (конус 2) изображены батальные сцены (рис. 8) — бой зрелых (бородастых) скифов с молодыми (безбородыми). У воинов можно рассмотреть складки на одежде,

Рис. 5. Вещи из Сенгелеевского клада

Рис. 6. Конус 1 из Сенгелеевского клада

Рис. 7. Деталь декора конуса 1 из Сенгелеевского клада

швы, обувь, типы луков и колчанов. В нижней части «картинь» размещены еще две фигуры бойцов. Один лежит, а у второго, по всей видимости, отсечена голова (рядом с ним лежит,

Рис. 8. Конус 2 из Сенгелеевского клада

Рис. 9. Конус из Курджипского кургана

вероятно, скальпированный череп). Ярко выражен и образ одного из участников сцены — лицо пожилого человека испещрено морщинами, а голова «украшена» тонко проработанной прической.

Совершенно понятно, что в газетной публикации размеры конусов указаны не были. Но по одной из фотографий (рис. 5), на которой в некотором отдалении от находок находится масштабная линейка, можно прикинуть, что нижний диаметр самого большого конуса составляет около 20 см. Второй конус, который находился внутри первого, имеет, естественно, более скромные размеры. Однако его диаметр по низу явно несколько превышает 15 см.

Таким образом, в скифских памятниках на территории Северного Причерноморья и прилегающих районов удалось учесть 9 золотых конусовидных предметов значительных размеров.

Однако этот список явно необходимо уменьшить за счет исключения из него конуса из собрания Романовича. В переписке коллекционера с Археологической комиссией он фигурирует как «золотой сосуд». Этот «сосуд» и был представлен Ф. С. Романовичем на суд все той же Археологической комиссии. Совершенно очевидно, что уже тогда у специалистов возникли сомнения в его подлинности. Во всяком случае, «сосуд» комиссией так приобретен и не был, его следы теряются. Но по заказу комиссии предусмотрительно была сделана его гальваноскопия, которая ныне хранится в Государственном Эрмитаже. Это дало возможность А. Ю. Алексееву еще раз обратиться к этому предмету. В результате, он авторитетно подтвердил вывод о фальсификации данного конуса, заметив при этом, что мастер, изготовивший в самом конце XIX в. эту «древнюю» находку, должен был иметь для подражания какую-то подлинную вещь, которая до нас, к сожалению, не дошла (Алексеев 1997).

По поводу предназначения золотых конусов мнения специалистов весьма разнятся — от достаточно прозаических вариантов — украшения горитов или нагрудных украшений коня, до весьма экзотических, например, конусы рассматриваются как футляры для хранения скальпов. Все эти точки зрения подробно изложены в монографии, посвященной Братолюбовскому кургану, к которой мы и отсылаем читателя (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 34—41). Однако совершенно очевидно, что назначение различных конусов также различалось.

Начнем с конуса, найденного в одном из курганов исследованном на мысе Ак-Бурун (южная оконечность Керченской бухты) в 1875 г. Он был обнаружен в могиле, представлявшей из себя сравнительно небольшую грунтовую яму, перекрытую боспорской черепицей. На слое угля найден набор предметов, среди которых, кроме интересующего нас конуса с надетым на него золотым венцом из лавровых листьев, происходит также железное оружие (наконечники копий, дротиков, стрел, лезвия меча и кинжала), фрагмент бронзовой поножи, пластинки от железного панциря (?), части золотого ожерелья, золотые бляшки в виде многолучевых звезд, две золотые ворворки, золотой перстень с железной вставкой, фрагменты серебряных сосудов, и, что особенно важно для датировки комплекса, золотой статер Александра Македонского и поздняя чернофигурная Панафинейская амфора. По этим находкам погребение можно датировать концом IV или началом III вв. до н. э.

Согласно авторитетному мнению М. И. Ростовцева (1925, с. 388), поддержанному многими специалистами (М. И. Артамонов, Э. В. Яковенко и др.), здесь был погребен эллинизированный скиф, однако некоторые детали пог-

ребального обряда (кремация) связывают это захоронение с савроматским миром (Цветаева 1968, с. 51—53; Виноградов 1993).

Однако нас в первую очередь интересует ажурный золотой конус, который, обычно, интерпретируют как шлем-пилос. По Лукиану (Скиф или гость, 1) — пилософорами (*πλοφυριχοι*) называли скифов, носивших особый головной убор. Однако, как справедливо заметил А. М. Хазанов (1975, с. 181), мы не знаем, идет ли речь в рассказе о пилософорах обо всей скифской аристократии или о какой-то ее части.

В качестве шлема-пилоса рассматривается и золотой конус из Передериевой Могилы, именно как шлем он числится и в Инвентарной книге Музея исторических драгоценностей Украины.

Учитывая близость орнаментальных мотивов — сцены сражения скифов зрелого возраста со скифами-юношами, что, вероятно, является иллюстрацией к известному рассказу Геродота (IV, 1—4) о битвах вернувшихся из Передней Азии скифов с потомками рабов, на шлеме из Передериевой Могилы и конусе 2 из кургана у с. Сенгелеевское, последний, по нашему мнению, вероятно, также может считаться шлемом-пилосом. Возможно, верхней частью парадного головного убора (Мирошина 1989, с. 109) является и небольшой (высота 5,4, диаметр основания 6,4 см) конус из Курджипского кургана, на котором также изображена схожая батальная сцена (рис. 9).

Обычно противники версии о предназначении подобных предметов в качестве головных уборов указывают на их небольшие размеры. Однако они, как и современные головные уборы имеют форму овала размерами 16,6 × 17,9 см (Передериева Могила) и 17,7 × 19,5 см (Ак-Бурун)¹ и вполне вписываются в размеры современных головных уборов, в чем и убедился автор, замерив последние у знакомых ему мужчин.

Что касается конусов типа Ильичево-Казино, а также Братолюбовского и Сенгелеевского конуса 1 (два последних орнаментированы сценами терзания хищниками травоядных животных) то нам наиболее импонирует точка зрения А. М. Лескова (1968, с. 160), согласно которому такие конусы, закрепленные на металлическом стержне, служили основой жезла — символа власти его хозяина. В таком случае не исключено, что наверху жезла могло быть закреплено металлическое навершие. Близкую точку зрения в связи с находкой небольшого конусовидного предмета в кургане у

1. К сожалению, как мы уже упоминали, точные размеры конусов, найденных в кургане у с. Сенгелеевское, нам неизвестно. Однако по нашим приблизительным расчетам конус со сценами битвы имел по низу размер несколько более 15 см.

с. Александровка высказали И. Ф. Ковалева и С. Е. Мухопад (1982, с. 101).

Однако не всегда в центре плоской вершины усеченного конуса имеются отверстия. Отсутствуют они, например, в Братолюбовском и Сенгелеевском конусе 1. Это наводит на мысль, что такие конусы могли сами служить навершиями деревянных шестов (никаких металлических стержней вместе с конусами обнаружено не было). Они могли крепиться на крестовинах, а в случае наличия отверстия в центре вершины конуса дополнительно фиксироваться заостренным концом шеста. Таким образом, данные конусы могли служить навершиями штандартов или бунчуков (Королькова (Чежина) 1995, с. 87). К такому же выводу, независимо от этой работы, пришел и автор данной статьи (Ельников, Мурзин 2016 с. 80).

Как правило, на верхнем конце бунчука укреплялись конские хвосты, или же хвосты пушных зверей, или полоски разноцветной материи. Это делало бунчук не только символом власти, но и средством управления воинами, подчиненными данному предводителю, во время схватки, который указывал бунчуком с золотым конусовидным навершием, хорошо видимым не только днем, но и при лунном свете, направление атаки или совершение другого маневра, а также позволял группироваться воинам вокруг своего предводителя в гуще боя.

Такие дополнительные детали оформления скифских бунчуков могли крепиться к верхней, заостренной вершине шеста, пропущенного через верхнее отверстие (Ильичево, Казинский клад). В Братолюбовском навершии бунчука такое отверстие отсутствует. Однако к верхней части этого конуса была прикреплена золотая пластина с золотым кольцом диаметром 1,8 см, к которому и могли крепиться дополнительные детали декора навершия. К сожалению, подробными данными о Сенгелеевском конусе 1 мы не располагаем.

И на Братолюбовском, и на Сенгелеевском 1 конусах представлены сцены терзания хищниками копытных животных. Достаточно обоснованным является мнение, согласно которому терзание было эквивалентно жертвоприношению животного, а убиение жертвенных животных рассматривалось как способ поддержания миропорядка (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 66—67). В социальном плане эта сцена могла интерпретироваться как победа царя — земного воплощения бога или легендарного героя (Кузьмина, 1976, с. 70).

Весьма интересно, что на Сенгелеевском конусе 1 сцены терзания изображены как бы в «перевернутом» виде. Такие «перевернутые» композиции были связаны с геометрией нижнего мира, в котором все отношения «перевернуть» по сравнению с «верхним и средним миром» (Мифы... 1991, с. 400—401). В таком случае

«перевернутые» сцены терзания на Сенгелеевском конусе, связанные с «нижним миром», миром мертвых, могли лишней раз подчеркивать смысл убиения жертвенных животных.

Еще более интересен вопрос о том, представителями каких слоев скифского общества были обладатели бунчуков и шлемов-пилосов.

Для того, чтобы предложить свою версию ответа на этот вопрос необходимо кратко остановиться на социальной структуре скифского общества.

Согласно Геродоту (IV, 62; IV, 120) вся Скифия состояла из трех царств-басилей, одно из которых было «великим». Мы уже неоднократно писали (напр.: Мурзин 1990, с. 74), что тремя царствами-басилеями Геродот ошибочно называл составляющие трехчленной организации скифской орды¹ — центр и два крыла. В принципе, такое иллюзорное восприятие действительного положения дел Геродотом вполне понятно и было характерно не только для него. Например, Марко Поло (Книга Марко Поло 1990, с. 206) называет главу левого крыла Улуса Джучи «царем», «который никому не подвластен».

В свою очередь центр и крылья делились на номы во главе со своим номархом. Для определения характера номов необходимо понять, что скифы-царские («центр»), скифы-кочевники и скифы-уэворуоі (правое и левое «крылья») не были тремя скифскими племенами. Скифы-царские, скифы-кочевники и скифы-уэворуоі, вероятно, имели собственную, достаточно сложную родоплеменную структуру — что-то наподобие, например, родоплеменной структуры трех казахских жузов — «Уш Алаш» (Масанов 1995, с. 55—64), т. е. в каждый жуз входил целый ряд племен. Думается, что подобная картина имела место и у скифов. Таким образом, племена, входившие в состав каждой из трех составляющих скифской орды, и были названы Геродотом номами. Поскольку мы считаем, что для скифов была характерна удельно-лестничная система престолонаследия, то главы двух крыльев и номов происходили из того же правящего рода, что и «великий царь», т. е. глава центра — органа военно-политического и военно-административного управления скифской ордой.

Было бы весьма заманчиво связывать скифские бунчуки именно с инсигниями скифских

1. Мы хорошо понимаем, что тюркский термин «орда» обозначает, прежде всего, ставку правителя. Однако в данном случае мы пишем о скифской орде как этно-политическом образовании — по подобию таких определений как «гуннская орда», «орды монголо-татар» и пр. Это подход упрощенный, но сокращает изложение, поскольку слово «орда» подсознательно ассоциируется с представлением о большой массе кочевников, наводящих страх на живописные и мирные села пасторальных пейзажей.

номархов. Однако этому мешают два обстоятельства. Во-первых, мы практически пока не в состоянии отличить курганы «второстепенных скифских царей», т. е. глав крыльев, от курганов номархов (Мурзин 2015). По нашему представлению, погребения скифских номархов следует связывать с курганами, подобными Мелитопольскому, Бердянскому или Гаймановой Могиле. Памятники, в которых обнаружены остатки скифских бунчуков, явно «не дотягивают» до этого уровня и по своей величине, и по составу инвентаря. Самый значительный из них — Братолюбовский курган, достигал в высоту 6,5 м, а курган у с. Ильичево имел еще менее значительные размеры. Поэтому остается предположить, что такие бунчуки были воинским знаком глав мощных в военном отношении родов, входивших в состав привилегированных скифских племен. Не случайно и курган у с. Ильичево, и Братолюбовский курган расположены в полосе кочевания скифов-царских, охватывающей так называемое «Дикое поле» и степной Крым (Мурзин 2014, с. 65—66). Конусы меньших размеров могли служить навершиями глав менее значительных скифских родов или больших семей.

У половцев такие семьи — «кош» или «айл» не были равновеликими по численности и богатству. В зависимости от экономических и внешнеэкономических причин (в частности, от степени знатности семьи) все они стояли на разных ступенях иерархической лестницы. И в некоторых случаях глава такой семьи приближался по своему положению к главе рода (Плетнева 2010, с. 139).

Что касается символов власти скифских номархов и царей то это могли быть личные знамена и надувные штандарты из ткани, закрепленные на деревянных шестах. Пока подобные вещи зафиксированы лишь в более поздних сарматских древностях (Яценко 2001), но это не значит, что их могло не быть у скифов.

Еще менее соответствуют нашим представлениям о скифской знати лица, погребенные вместе со шлемами-пилосами. Во всяком случае, в степной части Северного Причерноморья такие погребения вполне укладываются в наши представления о захоронениях рядовых скифов. Остается предположить, что моральное право на ношение таких шлемов, выделявшие носивших их лиц из общей массы, получали отдельные скифы (пилофоры) за определенные выдающиеся достижения. Косвенным свидетельством этому является наличие в Ак-Бурунском погребении наряду со шлемом-пилосом Панафинейской амфоры и золотого венца из листьев лавра. Вполне возможно, примыкал к этой группе и Курджишский конус, который мог венчать остроконечный головной убор (Мирошина 1989). О Сенгелевском конусе 2 судить сложно, поскольку он найден не в погребении, а входил в состав клада.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю. 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V—IV вв. до н. э. *Stratum plus*, с. 29-43.
- Виноградов, Ю. А. 1993. Курган Ак-Бурун (1875 г.). В: Раев, Б. А. (ред.). *Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева)*. Новочеркасск: Министерство культуры РФ, с. 38-51.
- Ельников, М. В., Мурзин, В. Ю. 2016. *Кочевники Украины*. Киев: Видавець Олег Філюк.
- Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.mk.ru/science/2014/07/06/rossiya-nashla-svoe-zoloto-skifov.html>.
- Книга Марко Поло*. 1990. Алма-Ата: Наука.
- Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1982. Скифское погребение конца VI — V вв. до н. э. у с. Александровка. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 91-102.
- Королькова (Чежина), Е. Ф. 1995. О возможности атрибуции Ставропольского (Казинского) клада. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 32, с. 77-89.
- Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалев, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: ИА НАНУ.
- Кузьмина, Е. Е. 1976. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе. *Советская археология*, 3, с. 68-75.
- Лесков, А. М. 1968. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма. *Советская археология*, 1, с. 158-165.
- Марковин, В. И. 1965. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). *Советская археология*, 2, с. 160-173.
- Масанов, Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomadных обществ*. Алматы, Москва: Наука.
- Минаева, Т. М. 1956. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее. *Материалы по истории Ставропольского края*, 8, с. 329-342.
- Мирошина, Т. В. 1989. Головные уборы. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 108-109.
- Мифы народов мира*. Энциклопедия. 1991. Гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, I.
- Моруженко, А. А. 1992. Скифский курган «Передеріва Могила». *Археологія*, 4, с. 67-75.
- Мурзин, В. Ю. 1978. Скифи на Північному Кавказі. *Археологія*, 27, с. 28-35.
- Мурзин, В. Ю. 1984. *Скифская архайка Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Мурзин, В. Ю. 1990. *Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса*. Киев: Наукова думка.
- Мурзин, В. Ю. 2014. *Скифская проблема глазами автора*. Киев: Видавець Олег Філюк.
- Мурзин, В. Ю. 2015. Проблема визначення поховань скифських номархів. *Археологія*, 1, с. 19-29.
- Плетнева, С. А. 2010. *Половцы*. Москва: Наука.
- Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград.
- Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.
- Цветева, Г. А. 1968. *Сокровища причерноморских курганов*. Москва: Наука.
- Яценко, С. А. 2001. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I — II вв. н. э.). *Историко-археологические исследования в г. Азов и на Нижнем Дону*, 17, с. 363-373.

REFERENCES

- Alekseyev, A. Yu. 1997. K rekonstruktsii odnogo utrachenogo predmeta ellino-skifskoy torevniki V—IV vv. do n. e. *Stratum plus*, s. 29-43.
- Vinogradov, Yu. A. 1993. Kurgan Ak-Burun (1875 g.). In: Rayev, B. A. (ed.). *Skifiya i Bospor (materialy konferentsii pamyati akademika M. I. Rostovtseva)*. Novocherkassk: Ministerstvo kultury RF, s. 38-51.
- Elnikov, M. V., Murzin, V. Yu. 2016. *Kochevniki Ukrainy*. Kiev: Vidavets Oleg Filyuk.
- Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.mk.ru/science/2014/07/06/rossiya-nashla-svoe-zoloto-skifov.html>.
- Kniga Marko Polo*. 1990. Alma-Ata: Nauka.
- Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E. 1982. Skifskoye pogrebeniye kontsa VI — V vv. do n. e. u s. Aleksandrovka. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 91-102.
- Korolkova (Chezhina), E. F. 1995. O vozmozhnosti atributsii Stavropolskogo (Kazinskogo) klada. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 32, s. 77-89.
- Kubyshev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan*. Kiev: IA NANU.
- Kuzmina, E. E. 1976. O semantike izobrazheniy na chertomlytskoy vaze. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 68-75.
- Leskov, A. M. 1968. Bogatoye skifskoye pogrebeniye iz Vostochnogo Kryma. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 158-165.
- Markovin, V. I. 1965. Skifskiy kurgan u seleniya Goyty (Checheno-Ingushetiya). *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 160-173.
- Masanov, N. E. 1995. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovny zhiznedeyatel'nosti nomadnykh obshchestv*. Almaty, Moskva: Nauka.
- Minayeva, T. M. 1956. Arkheologicheskiye materialy skifskogo vremeni v Stavropolskom krayevom muzeye. *Materialy po istorii Stavropolskogo kraya*, 8, s. 329-342.
- Miroshina, T. V. 1989. Golovnyye ubory. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moskva: Nauka, s. 108-109.
- Mify narodov mira*. Entsiklopediya. 1991. Gl. red. S. A. Tokarev. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, I.
- Moruzhenko, A. A. 1992. Skifskiy kurhan «Perederiiva Mohyla». *Arkheolohiia*, 4, s. 67-75.
- Murzin, V. Ju. 1978. Skify na Pivnichnomu Kavkazi. *Arkheolohiia*, 27, s. 28-35.
- Murzin, V. Ju. 1984. *Skifskaya arkhaika Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev: Naukova dumka.
- Murzin, V. Ju. 1990. *Proiskhozhdeniye skifov: osnovnyye etapy formirovaniya skifskogo etnosa*. Kiev: Naukova dumka.
- Murzin, V. Ju. 2014. *Skifskaya problema glazami avtora*. Kiev: Vidavets Oleg Filyuk.
- Murzin, V. Ju. 2015. Problema vyznachennia pokhovan skifskiykh nomarkhiv. *Arkheolohiia*, 1, s. 19-29.
- Pletneva, S. A. 2010. *Polovtsy*. Moskva: Nauka.
- Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor*. Leningrad.
- Khazanov, A. M. 1975. *Sotsial'naya istoriya skifov*. Moskva: Nauka.
- Tsvetayeva, G. A. 1968. *Sokrovishcha prichernomorskikh kurganov*. Moskva: Nauka.
- Yatsenko, S. A. 2001. Kompleks s alanskimi znamenami iz mogilnika Dachi u Azova (rubezh I — II vv. n. e.). *Istoriko-*

arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azov i na Nizhnem Donu, 17, s. 363-373.

V. Yu. Murzin

ABOUT GOLD «CONES» OF THE SCYTHIAN BURIAL MOUNDS

The question of the large cone-shaped gold objects found in a number of Scythian burial mounds of the middle of the end V — IV centuries BC on the territory of the Northern Black Sea Coast and the present Stavropol Territory is considered in the article. In total 8 such genuine objects are known to us.

Undoubtedly, the purpose of the various cones also varied. Among them are. 1 — Helmets-pylons (Ak-Burun, Perederieva Grave, possibly cone 2 from the treasure in the mound near Sengeleevskoye village, Stavropol Territory). 2 — Tops of Bunchuk — symbols of power (the burial mounds of Bratolyubovskiy, near the village of Ilyichevo, from the Kazinsky treasure and cone 1 from the treasure near the village of Sengeleevskoye).

In our opinion, such bunchuks were a military sign and a symbol of the authority of the heads of the militarily powerful clans that were part of the privileged Scythian tribes. It is not by chance that the mound at the village. Ilyichevo, and the Bratolyubivskiy mound are located in the nomadic zone of Scythian-tsar, embracing so-called Wild Field and steppe Crimea.

As for the owners of pylon helmets, it remains to assume that only separate Scythians (pylophores) received the moral right to wear such helmets for certain outstanding achievements, what allocated the persons who carried them from the general mass. The presence of the pylon helmet, Panathian amphora and a gold crown from the leaves of the laurel in the Ak-Burun burial is an indirect evidence of this.

Keywords: Scythian culture, tribal units of Scythians, nomas, golden «cones».

Одержано 11.11.2017

МУРЗИН В'ячеслав Юрійович, доктор історичних наук, професор, Мелітопольський інститут державного і муніципального управління, вул. Патріотична 80-А, кв. 5, Запоріжжя, 69005, Україна, vmurzin@ukr.net.

MURZIN Vyacheslav Ju., Doctor of Historical Sciences, Professor, Melitopol Institute of State and Municipal Administration, ul. Patriotic 80-A, Apt. 5, Zaporizhzhya, 69005, Ukraine, vmurzin@ukr.net.